

Варзаева Мария Александровна

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ "СМЕШАННЫХ ЭМОЦИЙ" В ЭЛЕГИЯХ В. А. ЖУКОВСКОГО, ОБЪЕДИНЕННЫХ МОТИВАМИ РАЗОЧАРОВАНИЯ И МИМОЛЕТНОСТИ ЮНОСТИ

Статья посвящена вопросу формирования жанровых критериев элегии. Доминирующей характеристикой жанра признаются "смешанные эмоции". Устанавливается взаимосвязь между мотивами и тематикой элегий с появлением того или иного эмоционального комплекса на примере элегий В. А. Жуковского, объединенных мотивами разочарования и мимолетности юности. Выделяются различные способы образования "смешанных эмоций". На основе проведенного анализа элегий автором формулируются основные критерии формирования "смешанных эмоций".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 39-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-1/9

Филологические науки

Статья посвящена вопросу формирования жанровых критериев элегии. Доминирующей характеристикой жанра признаются «смешанные эмоции». Устанавливается взаимосвязь между мотивами и тематикой элегий с появлением того или иного эмоционального комплекса на примере элегий В. А. Жуковского, объединенных мотивами разочарования и мимолетности юности. Выделяются различные способы образования «смешанных эмоций». На основе проведенного анализа элегий автором формулируются основные критерии формирования «смешанных эмоций».

Ключевые слова и фразы: жанр; элегия; «смешанные эмоции»; мотив разочарования; мотив мимолетности юности.

Мария Александровна Варзаева*Кафедра русской литературы**Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского**vartarika@yandex.ru***СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ «СМЕШАННЫХ ЭМОЦИЙ» В ЭЛЕГИЯХ В. А. ЖУКОВСКОГО, ОБЪЕДИНЕННЫХ МОТИВАМИ РАЗОЧАРОВАНИЯ И МИМОЛЕТНОСТИ ЮНОСТИ®**

В лирике, наряду с элегиями как жанровой разновидностью, существует немало элегических стихотворений по настроению и мысли, которые тем не менее соответствуют сложившемуся в теории и практике представлению об элегии. Полемику среди исследователей по-прежнему вызывает определение тех чувств, которые вкладывают поэты в элегию и которые, следовательно, определяют ее жанровую специфику. Смешение в рамках элегии, казалось бы, несоединимых эмоций становится доминирующей характеристикой жанра. Эта особенность элегии отчетливо осознается исследователями [1, с. 17-18; 4, с. 111; 7, с. 6], однако до сих пор не создана их типология, не определен механизм смешения эмоций.

Элегическое наследие В. А. Жуковского неоднородно с точки зрения «чистоты» жанра. Значительное число элегий поэта выполнено в элегическом модусе. К таким элегиям относятся элегии-песни, элегические сонеты, элегические баллады, элегические послания – одним словом, все те элегии, которые находятся на границе с другими жанрами либо именуется исследователями как элегические стихотворения.

Авторскую помету «элегия» имеют лишь пять стихотворений В. А. Жуковского: «Сельское кладбище», «Вечер», «Славянка», «Море», «На кончину ее величества королевы Виртембергской». Остальное элегическое наследие поэта складывается из признания стихотворений элегиями теми или иными исследователями жанра.

Как отмечает В. Н. Касаткина, «главный интерес Жуковского как романтика вызывают особые переживания, эмоциональные и интеллектуальные: воспоминания, мечты, надежды, сны, чувство природы – весеннее, вечернее, утреннее, чувство грусти и утешение в слезах, а особенно невыразимое, но существующее в душе – мир предчувствий» [5, с. 29].

Ключевым в становлении элегического жанра, по мнению В. Э. Вацура, становятся «Мечты» Жуковского [1, с. 74]. Отметим, что «Мечты» определяются самим В. А. Жуковским как песня. Однако в примечаниях к стихотворению О. Б. Лебедева называет «Мечты» «романсом-элегией», пользуясь этой синкретичной формулировкой, очевидно, пытаясь обосновать авторское наименование жанра, противоречащее его современной трактовке. Стихотворение «Мечты» является свободным переводом элегии Ф. Шиллера [2, с. 586]. Первый опыт перевода был предпринят Жуковским в стихотворении, известном под названием «Отрывок» («О счастье дней моих! Куда, куда стремишься...»). О. Б. Лебедева считает, что оба эти перевода должны рассматриваться как самостоятельные произведения. Кроме того, исследователь указывает на связь «идей невозвратимой юности, цветения-увядания и мечтательности», характерных для «Идеалов» Шиллера и стихотворения «Мечты» Жуковского, со стихотворениями «Жалоба» (романс) и «Послание Батюшкову», которые организуют их эмоциональный рисунок. Также, по мнению исследователя, «Мечты» по реминисцентным мотивам разочарования и мимолетности юности связаны со стихотворением Жуковского «Прощанье старика» (1806) и элегией «Вечер». Кроме того, «Мечты» продолжают давать рефлексии в поэтических текстах Жуковского вплоть до начала 1820-х гг.: «Тургеневу в ответ на его письмо» (1813), «К самому себе» (1814), «Невыразимое» (1818) [Там же, с. 588].

Рассмотрим все упомянутые тексты (кроме посланий и романа) в свете теории о «смешанных эмоциях». Насколько мотивы и тематика определяют появление того или иного эмоционального комплекса и какие способы образования «смешанных эмоций» при этом используются?

Обратимся к «Отрывку» Жуковского (Подражание). С первых же строк особое эмоциональное состояние элегического героя передается избытком восклицательных конструкций. Это придает общему тону элегии напряженность, динамичность, задается особый ритм, движение эмоций, передается желание скорее выплеснуть все чувства, наполняющие душу героя:

О счастье дней моих! Куда, куда стремишься?
 Златая, быстрая, фантазия, постой!
 Неумолимая! ужель не возвратишься?
 Ужель навек?.. Летит, все манит за собой [Там же, с. 73]!

Именно «неумолимость» происходящего заставляет героя буквально «сыпать» эмоциональными восклицаниями-вопросами. Мотив утраты вдохновения (который заявлен в начале элегии) напрямую связан с мотивом утраты юности:

Где луч, которым озарялся
 Путь юноши среди весенних пылких дней,
 Где идеал святой, которым я пленялся?
 О вы, творения фантазии моей!
 Вас нет, вас нет! <...>
 Где вы? Погибло все! Погиб творящий гений [Там же]!

С утратой юности, а значит, и вдохновения для героя «погибло все», разрушился «преlestный мир» – мир фантазии, идеала, мечты, надежды, мир цветущий, божественный, бессмертный. Ему противопоставлена «злая сущность». «Сладкие мечты», «надежды смелые», «надежды наслажденья», которые населяли сердце героя в «преlestном мире» весны, юности, обратились крахом веры в возможность осуществления чего-либо радостного или благоприятного. Но «гибель» идеала не окончательна, его можно одушевить:

Как некогда Пигмалион,
 С надеждой и тоской объемля хладный камень,
 Мечтая слышать в нем любви унылый стон,
 Стремился перелить весь жар, весь страстный пламень,
 Всю жизнь своей души в создание резца [Там же].

«Отрывок» завершается возвращением «радости певца», возвращением вдохновения. К концу элегии герой «материализуется» в образе певца – образе, ставшем традиционным для творчества Жуковского.

Следовательно, эмоциональный надрыв к концу элегии сглаживается обретением покоя с достижением желанного вдохновения. Вопросы элегического героя получают долгожданный ответ:

Безмолвная (природа) могла со мною говорить
 И пламенным моим лобзаньям отвечала [Там же]!

«Прощанье старика» интересно тем, что В. А. Жуковский вводит нехарактерный для элегии образ старика вместо привычного юноши, увядшего во цвете лет. При этом «старость» детерминируется утратой мечты и «восторгов души», покоем «буйных чувств», а также потерей любви. Старость – это не возраст героя, но эмоционально-психологическое состояние. Именно страдания души выдвигаются на первый план. Герой элегии «без слез» и «вздоха» вспоминает «мятежное души волнение», «палящий огонь цветущих жизни лет», «безумное за славою стремление». Юность и слава не так важны для него, как любовь – «сладость тихая», «сердца восхищенье». Элегия композиционно четко делится на две части: прошлое противопоставлено настоящему. Вторая часть открывается словами «Мечты разрушены! исчезло привиденье!». Мечты рушатся именно с утратой любви. Герой элегии грустит лишь о любви. Она характеризует, с одной стороны, эмоциями восторга, буйными чувствами, с другой – «тихой сладостью» (напоминающей меланхолию). «Смешанные эмоции» в данном случае появляются в качестве характеристики любовного чувства, а не конкретного эмоционального состояния, вызванного утратой тех или иных радостей прошлого. В этой элегии приоритет отдается настоящему, в котором появляется то желанное чувство «тихой сладости» любви, которое герой еще способен переживать сквозь слезы.

В элегии Жуковского «Вечер» перед нами разворачиваются воспоминания об утраченных друзьях и уходящей молодости, навеянные созерцанием вечернего пейзажа:

Сию задумавшись; в душе моей мечты,
 К протекшим временам лечу воспоминаньем...
 О дней моих весна, как быстро скрылась ты,
 С твоим блаженством и страданьем [Там же, с. 76]!

При этом лирический субъект Жуковского не только созерцает, но и призывает музу «петь туманный вечер», то есть жаждет поэтического вдохновения. И в этом ожидании мысли его обращаются к временам юности, «вакховым пирам», друзьям. Когда поэт вопрошает: «Где вы, мои друзья...» и т.д., он вспоминает о собраниях «Дружеского литературного общества» (1801). Лирический субъект Жуковского – это не «человек вообще», а обладающий конкретным жизненным опытом.

Жуковский насыщает монолог лирического субъекта предельно личностными переживаниями. Так, эмоции юности характеризуются «блаженством и страданьем». То же чувство испытывает лирический субъект Жуковского и в настоящем. С одной стороны, воспоминание окрыляет («К протекшим временам лечу воспоминаньем»), с другой – охватывает безмерной тоской по ушедшему счастью («Ужель иссякнули всех радостей струи?»). Это свидетельствует о неоднозначном состоянии, доминирующем в сознании субъекта, которое мы называем «смешанными эмоциями». Несмотря на явный биографический подтекст, лирический субъект элегии не становится объектом изображения, а является лишь «голосом» автора.

Лирический субъект «Вечера» вспоминает о союзе друзей в прошлом, который не может быть «разорван» и в настоящем:

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Заглядят в сердце вспоминанье
О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных [Там же, с. 77]?

События прошлого в сознании лирического субъекта воскрешаются с помощью мечты. Мечта у Жуковского, в отличие от традиционной направленности к будущему, меняет свой вектор и устремляется в прошлое. Кроме того, это не просто мечта, а мечта меланхолическая, которая показывает невозможность вернуть эмоции прошлого и одновременно заведомо исключает их появление в будущем. Мечта у Жуковского становится отправной точкой для элегических размышлений и зачастую выступает синонимом «вспоминания».

Таким образом, меланхолическая настроенность лирического субъекта предполагает не ощущение пограничности, а пребывание постоянно в одном состоянии – меланхолии.

Заключительные строфы элегии отсылают нас к эпитафии «Сельского кладбища» (первая переводная элегия Жуковского). Вновь появляется образ юноши. Лирический субъект «Вечера» рассказывает о жизни и судьбе элегического героя, который в данном случае очень близок образу самого поэта. Жуковский, с одной стороны, говорит о неизвестном юноше, которому «дано цевницей оживлять часы сей жизни скоротечной», с другой – его размышления в конечном итоге концентрируются на собственной судьбе:

Так, петь есть мой удел... но долго ль?... Как узнать?..
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой [Там же, с. 78]!

Как показывает опыт элегии, именно единство противоречивых эмоций приносит душевное умиротворение. Вечер становится источником поэтического вдохновения, несмотря на утрату былого счастья, так как именно это обстоятельство и делает возможным появление особого элегического переживания. Обретение душевной гармонии становится возможным во многом благодаря творчеству, рождающемуся на стыке эмоциональных противоречий.

Таким образом, в элегии «Вечер» смешение эмоций происходит не на границе времен, сопрягаемых в сознании героя, а является результатом фиксации «смешанных эмоций» в конкретном временном отрезке, так как и в прошлом, и в настоящем они уже были неким бимодальным целым, объединяющим и «блаженство», и «страданье».

В «Мечтах» (1812) В. А. Жуковского меланхолия элегического героя обусловлена утратой «весёлых юношеских дней», способности творить и вдыхать жизнь во всё, как «древле рук своих создание боготворил Пигмалион» и «мертвый был одушевлен».

Стихотворение открывает ряд риторических вопросов:
Зачем так рано изменила?
С мечтами, радостью, тоской
Куда полет свой устремила?
Неумолимая, постой!
О дней моих весна золотая... [Там же, с. 212].

Герой Жуковского с первых строк осознает безвозвратность юности, которая уносит с собой и многие другие составляющие «весёлых юношеских дней». На смену былой «мечты, радости, тоски» приходит «истина унылая», «призраки прежней красоты» (*Счастье* «сокрылось украдкой», *Знание* «ушло изменой», *Истина* «сомненья тучей обложила», «прелестный цвет *Любви* увял», «едва *Надежды* лишь сияло светило»).

При этом элегический герой испытывает «смешанные эмоции»: он не только сокрушается о былом счастье, но чувствует утешение в том, что его верными «проводящими до могилы» останутся *Дружба* и *Труд* (то есть творчество), «Кому святая власть дана / Всегда творить не разрушая, / Мирить печального с судьбой / И, силу в сердце водворяя, / Беречь в нем ясность и покой» [Там же, с. 215].

Этими строками и завершаются «Мечты» Жуковского.

«Невыразимое» (1819) является подлинным образцом элегического жанра. Интересным образом в этой элегии развивается элегическая ситуация: вечерний пейзаж, в отличие от пейзажа элегии с одноименным названием «Вечер», в «Невыразимом» представляется не как наблюдаемое явление, а как воображаемое. Всё, «что видимо очам», в действительности происходит в сознании героя. И «пламень облаков», и «дрожащие вод», и «пожар пышного заката» – одним словом, все «вечернего земли преображенья» становятся своеобразным порталом к воспоминанию, отчего грань между реальными картинами природы и представляемыми становится зыбкой, рождая «болезненное чувство».

В настоящем (или в воображаемом настоящем) – «блестящая красота», с которой слито «смутное, волнуемое» «миновавшее». Прошлое вторгается в настоящее как имеющее первостепенное значение, оно «выпячивает» себя, пытаясь заглушить яркие «вспышки» вечернего пейзажа. Время в элегии неконкретно, и даже указание на «вечер» не отсылает к определенному вечеру, а лишь говорит о том, что это один из сотен или тысяч подобных вечеров (но не просто вечеров, а элегических вечеров). «Сей миновавшего привет» отсылает ко времени «святой молодости», где «был когда-то цвет», где «жило упованье». Воспоминание о «милой старине» вызывает «смешанные эмоции» радости и скорби.

Прикрепленности к какому-то внешнему пространству тоже нет, но есть внутреннее пространство души героя, который и является своеобразным центром элегии, организующим ее «универсум». Пространство души не имеет границ, оно беспредельно, необъятно:

Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена,
Спирается в груди болезненное чувство [3, с. 129].

Как справедливо отмечает Е. В. Толстогузова, «опустошенность элегической обстановки является символическим коррелятом опустошенности элегического субъекта» [6, с. 8].

Кроме того, следует отметить, что в элегии выстраивается ряд оппозиций: мертвое – живое, слова – невыразимое (молчание), блестящее – смутное, радостное – скорбное. Таким образом, пространство элегии – пространство противоречий. Они, наполняя душу элегического героя, вызывают «смешанные эмоции». Герой будто смотрит на настоящее сквозь пелену прошлого, которое постоянно «воскресает» в настоящем, отодвигая его на второй план.

Таким образом, мы рассмотрели пять элегий В. А. Жуковского, объединенных мотивами разочарования и мимолетности юности. Во всех элегиях, кроме «Прощанья старика», мотив утраты вдохновения связан с мотивом утраты юности. В «Прощанье старика» с мотивом утраты юности сопрягается мотив утраты любви (на первом плане – любовная тематика). В остальных элегиях ведущей становится тема творчества и поэтического вдохновения.

Как в «Отрывке», так и в «Мечтах» герой элегии проходит путь от утраты идеала, мечты к возвращению радости, утешению в обретении вдохновения, в творчестве. При этом в «Отрывке» особенно отчетливо прослеживается динамика движения чувств от эмоционального «взрыва» к покою, умиротворению (от прошлого через «злую существенность» настоящего к настоящему, наполненному эмоциями прошлого). Таким образом, «смешанные эмоции» появляются в результате проникновения прошлого опыта сквозь границы времени. Прошлое сливается с настоящим, образуя по эмоциональным критериям не линейное время, а цикличное. Аналогичным образом «смешение эмоций» происходит и в элегии «Прощанье старика». В ней приоритет отдается настоящему, в котором воцаряются прошлые чувства.

Элегию «Вечер» и «Невыразимое» объединяют синонимичные оппозиции «радость – скорбь» и «блаженство – страданье», которые обуславливают и появление «смешанных эмоций». При этом в «Вечере» «смешанные эмоции» предстают уже в готовом виде как в прошлом, так и в настоящем, в нераздельном бимодальном целом, в отличие от «Невыразимого», где появление «болезненного чувства» становится возможно на границе времен – слиянии настоящего с прошлым при доминировании последнего. Кроме того, присущая элегиям форма воспоминания (или мечты) становится объединяющим звеном этих оппозиций, задавая тем самым элегическую ситуацию противоречивого состояния души героя.

Таким образом, очевидно, что в элегиях проявляются различные способы образования «смешанных эмоций» независимо от конкретных мотивов и тем. Несмотря на то, что приоритет в появлении «смешанных эмоций» отдается категории времени, возможно и отступление от «правил», когда эмоции фиксируются в смешанном виде в том или ином временном пространстве.

Список литературы

1. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. СПб.: Наука, 1994. 241 с.
2. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.
3. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. 840 с.
4. Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 548 с.
5. Касаткина В. Н. Поэзия В. А. Жуковского. Изд-е 2-е. М.: Изд-во МГУ, 2002. 112 с.
6. Толстогузова Е. В. Элегия: затянувшееся послесловие к истории жанра // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 3 (7). С. 5-11.
7. Фризман Л. Г. Два века русской элегии // Русская элегия XVIII – начала XX века: сборник. Л.: Сов. писатель, 1991. С. 5-48.

METHODS FOR “MIXED EMOTIONS” FORMATION IN V. A. ZHUKOVSKII’S ELEGIES INTEGRATED BY MOTIVES OF DISAPPOINTMENT AND YOUTH FLEETINGNESS

Mariya Aleksandrovna Varzaeva

Department of Russian Literature

Yaroslavl' State Pedagogical University named after K. D. Ushinskii

varmarika@yandex.ru

The author considers the question of the formation of elegy genre criteria, recognizes “mixed emotions” as the dominant characteristic of the genre, ascertains the correlation between the motives and themes of elegies with the emergence of one or another emotional complex by the example of V. A. Zhukovskii’s elegies integrated by the motives of disappointment and youth fleetingness, reveals different methods for “mixed emotions” formation, and basing on the conducted analysis of the elegies formulates the basic criteria of “mixed emotions” formation.

Key words and phrases: genre; elegy; “mixed emotions”; motive of disappointment; motive of youth fleetingness.